

*Л. П. РУПЦОВА*

**Эволюция системы отношений в русском языке XI—XVII вв.**

Объектом описания в данной работе будет эволюция системы парадигматических отношений в области специальной лексики, которая будет рассмотрена с точки зрения как внутренних, т. е. внутрисловных, так и внешних, т. е. междусловных изменений, с учетом наиболее показательных сдвигов в ЛСВ и типичных преобразований семантической структуры терминов, а также лексико-семантических процессов, ведущих к изменению положения слова в соответствующем парадигматическом ряду.

Для этого необходимо выявить суть, условия и особенности проявления в терминологии общезыковых семантических процессов, установить характерные приметы динамичности отношений на уровне слова и значения, показать основные тенденции развития системы отношений в разные периоды истории русского языка, определить роль и место в процессе эволюции каждого ее звена. Основное направление исследования — показ общих закономерностей развития системы отношений, свидетельствующих о непрерывности развития и совершенствования русской терминологии и о единстве наблюдаемых изменений в специальных подсистемах и в общеупотребительном языке. Мы опираемся на собственные наблюдения и данные специалистов, занимавшихся проблемой системности в русской лексике [1, 2, 4, 5] и вопросом языкового динамизма [3, 6]. Мы разделяем в целом точку зрения Ф. П. Сороколетова на состояние специальных подсистем в русском языке XI—XVII вв. [8, с. 17—19].

В качестве звеньев эволюции на различных языковых срезах и в плане диахронии будут выделены взаимоотношения, степень распространения и статус следующих единиц: а) семантических вариантов; б) моносемных, малосемных и многосемных структур; в) подобозначных названий; г) антонимов. Будут показаны некоторые различия семантической структуры общеупотребительных и специальных наименований.

Динамика, отмечаемая в пределах единого языкового состояния, рассматривается как своеобразная диахрония в синхронии и как таковая предполагает фиксацию изменений в системе отношений [3, с. 28]. Для истории терминологии диахронные и синхронные изменения служат показателем становления и движения нормы, развития и совершенствования словаря. Динамика специальных названий и их отдельных ЛСВ является свидетельством стремления русских книжников к точности и четкости при передаче соответствующих специальных понятий. Поэтому столь актуально исследование эволюции системы отношений в области терминологии.

Изменения отношений ЛСВ в начальный период становления специальных подсистем могут быть описаны в двух планах: с учетом процесса специализации значений общеупотребительных слов и сдвигов в семантической структуре самих терминов. Специализация и терминологизация лексем основного словарного состава — наиболее показательный семантический процесс в русском языке XI—XVII вв. Он заметно активизировался в начале XVI в. и достиг пика во второй половине XVII в. Вовлечение общеупотребительных средств выражения в число обозначающих специальные понятия приводило к расширению семантического объема таких слов, к новым взаимоотношениям ЛСВ в рамках семантической структуры лексем, связанным с известным обособлением специальных ЛСВ, употребляемых в собственных типизированных контекстах. Ср. статью *имя*. (Сл.

РЯ XI—XVII вв.) и: *Осмъ частей суть слова. Имя же всех яко основание* (И. Дам., 6 об.) — имя существительное; *Имя что ес? — Есть часть вещания... тьло или вьшь о собствене или общее знаменуя* (Донат, 215) — “наименование, название”. Ср. статью *гнѣздо* (Сл. РЯ XI—XVII вв.) и: *Аще прилучится три или четыре или пять (букв.—Л. Р.) то глется гнѣздо* (Грамм.<sup>3</sup>, 40 об.) — “слог, состоящий более чем из двух звуков”; *И писание то глется гнѣздо* (там же) — “слово, равное такому слогу”: Ср. статью *безгласный* (Сл. РЯ XI—XVII вв.) и: *Согласныя роздѣляются в двое в полугласовна и безгласна. Безгласна суть В, Ф, Г, К, Д...* (там же, 46 об.) — “взрывные и щелевые согласные”.

Динамика взаимоотношений семантических вариантов терминов связана с действием следующих факторов.

1. С изменением предметной направленности специального наименования. Этот процесс, характерный для русского языка XVIII в., берет начало в допетровскую эпоху, где он представлен на разных стадиях новой мотивировки деривационных связей, вплоть до полного обособления ЛСВ, приводящего в ряде случаев к появлению самостоятельных лексических единиц. Расхождение ЛСВ этимологически единого слова — особенность лексем, которые ранее имели широкое недетализированное значение. Специализация значения приводит к появлению новых типизированных контекстов, в которых как относительно самостоятельная единица реализуется один из ЛСВ. Например, лексема *течение*, употреблявшаяся в значении “движение, изменение, смена”, с XIII в. означает звездный дождь: *Мнози видеша течение звѣздное... и отторгахуся звѣзды отъ нѣбеси* (Ник. л., X, 34)<sup>1</sup>. С XVI в. она употребляется в медицинских сочинениях в значениях: кровотечение: *Течение утробное* (Тр.<sup>1</sup>, 146); гонорея: *течение семяни прирощеново, которое докторы зовуть го-морейам* (там же, 61); месячное: *матицы течение* (там же, 207 об.). С первой половины XVII в. появилось значение “последовательность изложения”: *Риторию сирѣчь течение слов* (Рит., 375). В это же время слово употребляется и в соответствии с эквивалентом канал: *течение водное* (Основ. Царьгр., 6).

Изменение денотата может быть связано и с приобретением термином переносного значения (переносных значений), т. е. с утратой им специального значения, его «выветриванием» (термин В. В. Веселитского [2, с. 89]), например: *Круг зрение наше от грекоф наречен оризон, от латинов же кончителъ или определитель зрениа* (Ввожение, 5 об.); *Первый цыркул неба или шверы... зовется оризонт* (КМ, 133 об.) и: *Яко исполнь есть оризонть славы всемирныхъ концевъ отъ твоя главы*, (Сим. Пол. 14, КДРС); *оризонтъ страны нашея... учения свѣтлоозарениемъ*

<sup>1</sup> Сокращения наименований источников даны в соответствии с Указателем источников Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв.—М.: ИРЯ АН СССР, 1984.— 331 с.

*свѣтлолично ликовствуетъ* (Д. патр. Никона, 264). Такие случаи, широко распространенные уже в первой половине XVIII в., в изучаемый период единичны, но они соответствуют общей тенденции развития русского литературного языка.

По нашим наблюдениям, «выветривание» специальных значений в языке второй половины XVII в.—это результат метафоризации терминов. С этого времени специальные наименования пополняют круг лексем, используемых в художественной и житийной литературе и в проповеди как один из приемов повышения экспрессии повествования или речи, например: *Муж слыша сию комедию улыскася* (Фацеции, 51 об.).

В некоторых случаях обособление ЛСВ терминов приводит к образованию омонимов, развившихся в результате определенных процессов, происходящих внутри слова. При анализе подобных структур мы исходим из их общего происхождения и конкретной истории функционирования в русском языке. Так, лексема *синтаксисъ* в русских и славянских грамматиках выступала в двух омонимичных формах: 1) синтаксис, правила сочетания слов: *Инако синтаксисъ глется соединение частей слова* (предложения.—Л. Р.) (Грамм.<sup>1</sup>, 17 об.). Этот ЛСВ мог иметь и вторичное значение —“раздел средневековой грамматики”: *Частий грамматики есть четыре: орфография, просодия, этимология, синтаксисъ* (Грамм.<sup>2</sup>, 82); 2) знаки соединения слова в одно целое: а) ударение: *Сила а по гречески синтаксисъ* (Грамм.<sup>3</sup>, 7); б) знак переноса: *Синтаксисъ еже соединительная наричется. Преблгаго* (Грамм.<sup>1</sup>, 17 об.).

II. С изменением стилистической окраски специальной лексики. Выделяются две разновидности этого процесса, отличающего национальный этап развития русского языка от донационального. Во-первых, это широко представленная в языке второй половины XVII в. утрата словом пейоративных оттенков значения, которые ранее были основными в семантической структуре лексемы, или переход таких значений в периферийные. Этот процесс связан с секуляризацией («обмирщением») русского языка национального периода. Например: Гречизм *комедия* (*комодия, комодъ, комедь*), появившийся в русском языке XVI в., имел здесь отрицательный оттенок значения, что объясняется негативным восприятием церковными кругами, старообрядцами греческого политеизма и связанных с ним ритуалов и обрядов: *Якоже в комодий речеса, рекше въ ругателехъ* (ВМЧ, окт. 1—3, 450, КДРС); *комедия — игрища, в них же несмыслени еллини по мертвых игры творяху безчинныя, и пляшуще и играюще* (Алф.<sup>1</sup>, 122). Когда в Москве был открыт первый русский театр, лексема стала употребляться в нейтральном значении “представление, театральное действо”, который и стал основным: *Устроить теремы для всякихъ комеди, действенныхъ потехъ* (Косм. 184); *на комедии дѣйствовати из Библии книгу Есфирь* (Док. моск. театр., 8).

Ср. также словоупотребления: *Богоотметныя же книги ... астрономия сирѣчь звѣздосказание* (Уст. церк., 716); *мафимакийския книги — отреченные книги: арифметикия... мусикия, геометрия, астрономия* (Алф.<sup>1</sup>, 2) и: *Начало мудростемъ граматика, геометрия, астрономия, арифметика* (Арифм.<sup>1</sup>, 2). *В мирскихъ свадбахъ бѣсовския пѣсни поютъ* (Стгл., 85) и: *Пѣсни — в Византии... мброую счиненная* (Муз. грам. Дил., 33).

Другой разновидностью процесса, приводящего к изменению стилистической окраски специализированных лексем, являлась гиперболизация. Например: Алфѣ учится Марфѣ (Сим. Посл., 77) — “алфавит”; *божими буквами да възрастетъ плод божи* (Конст. Фил., 146, КДРС) — “священное писание”.

Изменения семантической структуры терминов в русском языке изучаемого периода связаны с расширением их семантического объема (генерализацией) в процессе функционирования специальных наименований в определенных языковых подсистемах. Как правило, в специальных значениях используются моносемные структуры. Они представляют собой результат заимствования или калькирования одного из ЛСВ иноязычной лексемы [ср. 7], или результат специализации только одного из значений многозначного общеупотребительного слова, в то время как остальные ЛСВ остаются принадлежностью общего словаря. Например: *орфография — правописание* (Грамм.<sup>1</sup>, 1 об.), *трагедия сиречь игра плачевная* (Рит.<sup>1</sup>, 127), *метафора* (там же, 28 об.), *ямвь* (Рит.<sup>2</sup>, 48) и под. Ср. статьи *величье, зрительный, наслѣдникъ* (Сл. РЯ XI—XVII вв.) и следующие примеры: *Звѣздою четвертого величья* (Гев., 41 об.) — “величина звезды”; *стеклеца къ зрительной трубѣ* (там же, 16 об.) — “оптический прибор, телескоп”; *Йовиша и его наслѣдников* (там же, 41 об.) — “спутники планеты” и т. д.

Расширение семантического объема специальных названий приводит к появлению малосемных или (редко) многосемных структур. Для языка XI—XVII вв. более характерны малосемные структуры, в которых представлено два значения, связанных с понятиями из одной области знания. Такие структуры, как показывают наблюдения над фактическим материалом, — это результат неоднократной семантической индукции при заимствовании, например: *Пиитикиа многихъ любомудрецъ* (Гр. ст.<sup>1</sup>, 47) — “искусство творения”; *учащий пиитику творятъ стихи пѣсней к лику* (Ист., Град. ц., 17 об.) — “поэтическое искусство”. *Что ес мѣтро? — Мбра извѣстная Стихов канонныхъ* (Грамм.<sup>1</sup>, 22 а) — “стихотворный размер”; *славенскии языкъ дактила... трѣбуетъ в ироических и елегических мѣтрах* (Грамм.<sup>3</sup>, 45) — “стихотворная строка, стих”; ср.: *въ творческихъ стисѣхъ* (Грамм.<sup>1</sup>, 7) — “стихотворение”. Подобные структуры могут появляться и в результате метонимических переносов, например: *Ученому и во алхимии зѣло искусному монаху...* (Браун., Артил., 89, КДРС), ср.: *дрова носятъ въ обтеку, в алхимию* (Основ.

Царьгр., 27) — «помещение при аптеке для приготовления лекарств». *Были мудрые люди... аристотели* (Псков. л., 11, 99, КДРС) — «философы», ср.: *аристотель... и инья мудрости* (Стгл., 89) — «книга для гаданий». Один из самых распространенных типов переноса в это время — наименование книги, сборника и под. по ее содержанию: *Книга глемая гречески алфавитъ, по словенску же буквы* (Алф.<sup>1</sup>, 6).

Многосемные структуры формируются теми же путями, что и малосемные, например: *Грамматикия... сказуетъ учнку чинъ и образъ осмых частей рьчи* (М. Гр., 111, 132) — «грамматика»; *грамотикии начало алфа* (Грам.<sup>3</sup>, 1) — «буквы, алфавит»; *грамматикия есть основание и подошва всьмъ свободнымъ мудростемъ* (Донат, 1) — «одна из семи свободных мудростей»; *грамматикия меньшая* (Гр. ст.<sup>2</sup>, 9) — «пособие, книга по грамматике».

Подобные наименования реализуются в определенном контексте, в конкретном значении. Их вторичные значения всегда мотивированы: при заимствовании или калькировании опорой для них служит внутренняя форма слов-эквивалентов в языке-источнике.

Рассматривая междусловные отношения, мы исходим из учета положения специальной лексемы в парадигматическом ряду. Самым значительным процессом, ведущим к пополнению парадигматических рядов, в русском языке XVI—XVII вв. было увеличение числа подобозначных средств выражения. «Равноименность» — характерная черта научных и учебных текстов этого времени. Так называемые «избыточные наименования» использовались в качестве глосс, а начиная со второй половины XVII в. чаще в целях лексического варьирования. Ср.: *Инословие убо есть, ино ньчто глюшти, а инъ разумъ указующтъ* (Изб. Св. 1073 г., 237 об.) — гр. *allegoria*; *иносказание (аллегория) еже есть таинство или подобие, когда въ преобразовании глаголемъ, гдб иное есть въ гласъ, а иное въ разумении* (Брун., Толк. Пс., 17 об.); *аллегория есть въчная и постоянная метафора... Егда которая въщъ описуется и обладается нькоторымъ подобиемъ* (Рит.<sup>1</sup>, 30 об.). *Пръводъ же есть слово отъ иного на ино пръводимо* (Изб. Св. 1073 г., 237 об.); *метафора есть егда глас и слово от прирожденного естества и от свойственнаго ознаменованя к неподлинному и не во всь истое переносится* (Рит.<sup>1</sup>, 28 об.); *латинскимъ языкомъ метафора нарицается трантланцо сиырчь прънесение слова. Кикерь* (Цицерон.— Л. Р.) *краткимъ подобиемъ нарицает* (там же).

Статус подобозначных в языке XVI—XVII вв. определяется по шкале, предложенной Л. Л. Кутиной [3, с. 31—32]. Для изучаемого периода характерна широта употребления полных синонимов, дублетных по смыслу и не обладающих стилистической маркированностью или легко ее утрачивающих. Например: *Сюбстрясие еже есть вынимание или вычитание* (Арифм.<sup>1</sup>, 8);

обавление (убавление) учить меньше число убавляти (Арифм.<sup>2</sup>, 12 об.) для вычету помни... (Петр, 1, 3).

Часто наблюдается и совпадение первичных значений при расхождении вторичных, например: *На всякую немочь* (Тр.<sup>1</sup>, 28); *боление головы* (там же, 193); *болезнь головная* (там же, 193 об.); *недугъ* (206). Ср.: *О различии рѣчей яже неведущим едино быти мнится. Болезнь егда едино что от удъ болит* (Грамм.<sup>2</sup>, 28 об.); *немошь же егда вся уды страждет. Недуг же яже и болезнь едино мѣсто в тель обдержит* (там же).

В некоторых случаях можно установить синонимические отношения на уровне многих значений слова, например: *Прямой (правый) путь* (Гев. 85), *шествие* (движение.— Л. Р.) (там же, 26), *линия* (28 об.), *лучь, луча* (26), *уголь* (там же), *падеж* (именительный) (Грамм.<sup>4</sup>, 70).

Антонимические отношения в русской терминологии изучаемого периода мы рассматриваем, вслед за А. Н. Шраммом, с точки зрения «различий в содержании противопоставляемых частей антонимических пар» [9, с. 9—10]. Для терминологических подсистем русского языка XVI—XVII вв., как и для общепотребительного языка этого времени, типично значительное возрастание лексической антонимии, что связано, в первую очередь, с совершенствованием соответствующих понятийных систем, т. е. с новыми знаниями о природе явлений. Проиллюстрируем это положение на примере ТГ светила, известной в русском языке с древней поры. Первоначально по признаку наличие свечения противопоставлялись все небесные тела Земле: *Бгъ небо... вокруг распространи, тое многими пресветлыми свѣтилы солнцемъ и луною и планитам и иным звѣздами украси* (Астрол. ст., 109). Со второй половины XVII в. лексема *светило* сужает свой семантический объем и употребляется в научных памятниках для обозначения единственного тела Солнечной системы, излучающего свет,— Солнца, противопоставляемого с этой поры всем другим телам системы «потемненным»: *Аще круглое свѣтило озаритъ подобное тѣло непрозрачное, тогда толко преполовленная часть озарится... Солнце преполовленную часть Луны озаряетъ* (Гев., 282 об.). Ср. также: *умножение — деление (разделение)* (Арифм.<sup>2</sup>, 10 об., 115); *верхнее число, числитель — нижнее число, именитель* (там же, 90); *дробь прямои — дробь непрямои* (там же, 90) — правильная и неправильная дробь; *целые числа — доли* (там же).

Таким образом, динамические характеристики парадигматического плана связаны и с внутрисловными и с междусловными отношениями, отдельные из которых показаны в данной работе. Динамичность можно рассматривать как одну из черт лексико-семантической системы русского языка национального, и, частично, преднационального периода.

*Список использованной литературы*

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. — Л.: Наука, 1972. — 431 с.
2. Веселитский В. В. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой четверти XIX века. — М.: Наука, 1964. — 176 с.
3. Кутина Л. Л. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты ее показа в лексикографии//Проблемы исторической лексикографии: Сб. ст. — Л.: Наука, 1977 — С. 28—39.
4. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой четверти XVII века). — М.: Л.: Наука, 1964. — 219 с.
5. Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII века. — М.; Л.: Наука, 1966. — 288 с.
6. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. — М.: Просвещение, 1977. — 224 с.
7. Рупосова Л. П. Семантическая ассимиляция полонизмов в русском языке XVI—XVII вв.//Вопросы семантики: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. — Калининград, 1984. — С. 60—68.
8. Сороколетов Ф. П. Особенности формирования специально-терминологических разрядов лексики в русском языке XI—XVII вв.//Вопросы семантики: Исследования по исторической семантике: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. — Калининград, 1982. — С. 17—23.
9. Шрамм А. Н. Принципы формирования признаковых значений. — Там же. С. 3—11.

*Список источников, не вошедших в Указатель источников  
Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв.*

- Арифм.<sup>1</sup> — Арифметика. ГПБ, Q IX, № 46, XVII в., лл 1—198.  
Арифм.<sup>2</sup> — Арифметика. ГПБ, ОЛДП, № 82, XVII в., лл 2—115.  
Ввожение — Ввожение в космографию. ГПБ. Q XVII, № 31, XVII в., лл 1—6.  
Гев. — И. Гевелий. Селенография... Отдел рукописей библиотеки АН Лит. ССР, XVII в., лл. 1—372.  
Грам.<sup>1</sup> — Грамматика по языку словенску. ГБЛ, ф. 299, № 336, XVII в., лл. 1—23.  
Грам.<sup>2</sup> — Грамматика суть книга учащая насъ... Там же, лл. 82—115.  
Грам.<sup>3</sup> — Начало грамоте греческой и русской. ГБЛ, ф. 310, № 983, 1648 г., лл. 1—54.  
Грам.<sup>4</sup> — О осми частех слова. ГБЛ, ф. 299, № 336, XVII в., лл. 62 об — 81.  
Гр. ст.<sup>1</sup> — Грамматическая статья. ГБЛ. Муз. собр., № 2435, XVII в., лл. 47—47 об.  
Гр. ст.<sup>2</sup> — Грамматика меньшая. ГБЛ, ф. 310, № 972, XVII в., л. 9—41.  
Донат. — Книга, глаголемая Донатусъ. ГБЛ, ф. 299, № 5, XVII в., лл. 212—312.  
КМ — Курс математики. ГБЛ, ф. 256, XVII в., лл. 141—168.  
Рит.<sup>1</sup> — Риторика. ГБЛ, ф. 310, № 874, 1623 г., лл. 1—45 об.  
Рит.<sup>2</sup> — Риторика, ГПБ, Q XVII, № 185, XVII в., лл. 45—49.  
Тр.<sup>1</sup> — Травник Фомы Бутурлина. ГИМ, Епарх. собр., № 751, к. XVII в., лл 1—648.